

Где живёт Водяной

16+

Александр Токарев

Александр Токарев
Где живет Водяной

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Токарев А. В.

Где живет Водяной / А. В. Токарев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1676-4

Книга посвящена рыбной ловле и мистической силе Природы. Сборник состоит из отчетов с рыбалок и рассказов, то есть тех простых историй, которые непременно случаются с рыболовами на воде и зимнем льду, будь то смешные случаи и трагические. Все бывает во владениях сказочного Водяного Дедушки, Водяного, присутствие которого всегда можно ощутить на одиноком озере, где струится лунная дорожка, шепчут деревья и тихо плещет рыба. И чувствуется пристальный взгляд из чёрного омут...

ISBN 978-5-5321-1676-4

© Токарев А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Ночь на льду	5
Хитрый Ванька	8
Когда заря с зарёю сходится	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ночь на льду

Лет мне тогда было поменьше, чем сейчас, только с армии пришел. И глухие безлюдья тогда не избегал, а скорее приветствовал. Хорошо было мне одному вдали от городской суеты, идеологического маразма и торопливой меркантильности. Чтобы встречать одинокие рассветы на тихом озере в легкой тоске, граничащей с восторгом. Уходить теплой тропой в падающий закат, в запахи живицы и багульника, в гул сосновых боров и тишину черных междюнных озер. Просыпаться ночью в тревожное полнолуние под пристальным взглядом Селены, пришедшей из темных дней Гекаты. Наблюдать в ослепительном инферно обнаженных ведьм на шабаше. А то и Маргарита – сподвижница Мастера – спустится по лунной дорожке в лукавой наготе и ведмьячей раскосости. Подмигнет эротически и... пошлет подальше самой, что ни на есть, площадной бранью... Словом, чего только не случается, когда бываешь один в лесу или в ледовой пустыне водохранилища несколько дней и ночей... И на льду ночевать тоже приходилось, чтобы не месить многие километры сырого снега к ночлегу и обратно. К тому же ночью, случалось, попадался на щучьи жерлицы налим, если опустить живцов на дно, а едва зарумянится рассвет, судак начинал поднимать флажки, да все тяжело-литой – за четыре с лишком кило... После судаков уже щуки выходили, хватая с веселой злостью живцов-сорожек и раскручивая со свистом катушки жерлиц.

В этот яркий и тихий день я открывал для себя новые места. На открытой Волге-водохранилище постепенно исчезли затопленные дубовые и березовые рощи, сгнившие на корню или спиленные по уровню льда. Крупный хищник, придерживающийся ямных коряжников, куда-то ушел. Ушел и я с привычных и щедрых на рыбу волжских плато, пусть и выдуваемых насквозь ледяными ветрами.

Меня давно манили лесистые острова, за которыми скрывались широкие и узкие протоки. И вот я уже здесь. Ослепительно белая протока безлюдна и непорочно чиста, без единой лунки. Это как раз для меня... Пробурив пару лунок у сухого дуба, вмороженного в лед, опускаю белую «капельку» с полукольцом мотыля. Едва мормышка начала опускаться ко дну, кивок вдруг замер и выгнулся вверх... Тук! – отдалось в руке. В полводы начала брать мелкая и средняя сорожка-плотва. Затем поклевки последовали уже у дна, а потом прекратились вовсе. Что-то произошло там, подо льдом... Но теперь у меня уже достаточно много шустрых и сильных живцов, блестящих темным серебром. Пора выставять жерлицы.

Только я начал опускать живца на тройнике в лунку, как последовал сильный толчок, и рука сама поддернулась кверху, повинаясь инстинкту щукаря-добытчика. Есть!.. На леске упруго и властно осаживалась крупная рыбина. Она была столь упорна, что пришлось отпустить леску под ее яростным напором. Вскоре на льду забила щука, желтобрюхая и яркоглазая, с алыми как у сороги плавниками.

День прошел в ловле плотвы-сорожки, нередко – с рукавицу размером. Попадались и мерные окуни. Но парадным выходом были щучьи подъемы. На белой чистой протоке вдруг загорался флажок жерлицы и трепетал на ветру. Этот простой вскид кусочка алой ткани был необъяснимо завораживающим. Он словно связывал тебя какими-то нитями с Вселенной, лежащей подо льдом. Там шла своя жизнь, и черные тени мелькали среди позеленевших коряжин, словно среди щупалец осьминога. Копошился рак, перекусывая клешнями трупик снулой рыбки. Блестел бочок красноглазой сорожки, но тут открывалась жадная пасть и смыкалась, поднимая кверху череду пузырей. Прыскала по сторонам стайка полосатых окуньков, охотясь загоном, и затем чавкала жадно на мелководье нежными мальками-верховками. Там, подо льдом, существовал другой мир. И ты к нему был причастен именно через упругий и

азартный вскид пружинки с флажком. На леске бились матерые щуки, а потом сгибались и разгибались на сухом снегу в яростной мускульной силе, сахарясь инистой крошкой.

Я как-то и не заметил, что солнце остановилось над горизонтом, налилось красным и опало за резко очерченное мелколесье. Зарозовело вечернее небо, переходя из прозрачного в нежную зелень-синеву, в которой уже начали проступать бледные звезды. На снег легли длинные тени, запахло морозом и холодной липовой корой-лыком. Пора к ночлегу. На льду мне ночевать не впервой, к тому же рядом лес, а, значит, будут дрова и теплая земля, если докопаться до нее в плотном снегу. Спать среди снежных стен и на еловом лапнике у костра – это не на льду, где снизу веет могильным холодом, а костер проваливается в полыню, выеденную огнем.

Едва я устроился уютно на охапке сучьев и лапника, нежась в тепле костра, достал заветную фляжку, чтобы погреться с устатку, как вдруг... Через остров в сумерках перевалила темная фигура с поклажей на санях... Чуть ли не на развальнях деревенских, какие обычно лошади тянут. Странный поезд двинулся было в направлении моих жерлиц, но отвернул в сторону и остановился неподалеку. Вскоре на льду уже стояла громадная, чуть ли не армейская, палатка, а над ней воздвиглась длинная труба. Из трубы за клубился ароматный дымок, идущий по слабому ветру ко мне. Палатка осветилась изнутри призрачным огнем, от которого на синем льду стало по-домашнему уютно. Все было сделано так слаженно и быстро, что я не поверил своим глазам: не привиделось ли? Но я ведь и к фляжке еще не притронулся...

Через какое-то время от палатки отделилась темная фигура и направилась к моему костру.

– Ну, здравствуй, что ли, парня! – как-то по вятски обратился ко мне незнакомец. Был он бородат и, как мне показалось, с безуминкой в блестящих глазах.

– Здравствуйте, – осторожно ответил я.

– Тут что ли сопли морозить собрался? Давай, не дури, па-а-дем ко мне, а то скушно одному среди темени. Одичал я тут... Ляксея меня зовут, Ляксея Митрич, Ляшак...

– А почему, Лешак?

– А я знаю? Зовут и все.

В палатке лешака познакомились поближе и располовинили фляжку, благо про запас и стеклянная в рюкзаке еще завалилась...

– А чего вы тут остановились, Алексей Дмитриевич? Можно было и на острове палатку разбить. Теплей на земле и устойчивей. Тут и печка провалиться может, – замечаю.

– Так я ж не бока греть собираюсь, Саня, а рыбачить. Это что? – дед отдернул кусок плотного брезента, и под ним открылись две лунки во льду.

– А кого ловить-то будете?

– Сейчас увидишь.

Алексей Дмитриевич достал грубый удильник для блеснения с большой открытой катушкой и толстенным металлическим кивком-сторожком, подмотанным попросту синей изолен-той.

– Ты, парня, сам того не зная, расположился на рыбном месте. Борозда здесь, корыто. Может, ручей был до затопления. Сам-то поймал чего за день?..

– Щуки взял достаточно, и крупная есть.

– Вот и оно. А я здесь промыслю еще с перволедка, тютя.

– Почему, тютя?

– Так тебе это баловство, а для меня работа. Жить-то надо. Как завод накрылся наш, так и обитаю здесь. По возрасту никуда уже не берут. За островами, на Заячьей, и молодые обретаются, токаря да фрезеровщики, ети... Вместо того чтобы у жены под теплым боком греться, здесь коки студят, простатит, туда его в коромысло!.. Ну, ладно об этом. Давай еще за знакомство...

Закусив, Алексей Дмитриевич, насадил на крупную свинцовую мормышку мочку червей и опустил в лунку. На узкую и тоже тяжелую блесну-самоделку подсадил половинку ерша с хвостиком. И тоже отправил в лунку. Посмотрел на часы и подмигнул мне:

– Смотри...

Высунув язык, Алексей Дмитриевич макал удильником вниз, крутил по кругу, поддергивал, и снова осаживал вниз обманку, видимо, создавая ей, тяжелой, муть на дне, стук и возню неповоротливую. Вдруг он коротко поддернул удильник кверху и начал кого-то вываживать. В черной лунке заплескало, показалась массивная черная голова с одним усом под нижней губой. Налим!.. И не маленький.

– А ты мямил, чего тут делать, чего тут делать ночью? – раскраснелся дед. – На, держи, – он сунул мне удильник. – А я пойду жерлицы ставить. Самое время, налим токи вышел, до полуночи ждем, а потом и на боковую можно. Пред рассветом повторим. И тогда иногда берет. А с утра, с самого ранья, судака будем ждать, а затем щуку. Чего тут делать, чего тут делать, – послышалось вроде бы ворчливое уже из-за палатки.

Но мы так и не спали до утра. Дразнили обманками мрачного налима, вываживали ледяных рыбин, обрезая поводки и снова привязывая, чтобы не копошиться в крепких налимовых глотках. Выходили в черную стынь к жерлицам, где, освещенные фонариком, трепетали флажки, и опять снимали налимов. Возвращались в уютное и вкусное тепло палатки, где трепетали на полотняных стенах блики от печки-буржуйки, и оплывала свеча. Резали дольками лук-репку, мясистое в прожилках копченое сало, и пили водку в ощущении теплого братства и волшебной ночи... Ослепительно яркое и высокое звездное небо раскинулось безраздельно над маленьким светящимся островком-палаткой, где грелись две человеческих души, понимающие друг друга. И уже открылось мерцающее Параллелье в падающем свете полной Луны, вышедшей из-за кулис черных ельников и сосняков на коренном берегу.

С индевелым и румяным рассветом волшебство исчезло, но пришел день в ярких сполохах солнца, свежих ветрах и вскидах алых флажков. Замирало сердце и стучало в висках, а на леске яростно бились тяжелые щуки, проворачивая багор в застывшей ладони. И был еще один день шучьей охоты, один из многих, но оставшийся в памяти навсегда вместе с налимом ночью...

Хитрый Ванька

Иногда устаешь от волнового наката, бьющего в волжские берега, пенящихся тяжелых валов в бесконечных даях водохранилища, гудения лодочных моторов в протоках, беспокойного неба, прожилистого от белесых облаков, гонимых долгими ветрами. Устаешь от уколов озерных окуней-недоростков, монотонно хватающих крутящуюся обманку или фальшивую силиконовую рыбку. Все это уже было неоднократно, и исчезает тайна, заставляющая дрожать руки в необъяснимом азартном возбуждении. Глаза привыкают к знакомым ландшафтам, и росистые зори теряют свои краски и запахи. И тогда возвращаешься к бесхитростной поплавочной аксаковской ловле где-нибудь на малой речушке, миловидной, как все незатейливые сельские пейзажи.

Мы искали пруд, легендарный пруд, где, по рассказам аборигенов, отчаянно клевал медный карась. Наш экипаж – это я и сын Иван, настороженно, словно зверек, замерший на сиденье, устроенном на раме спортивного велосипеда. Мы неслись в закат и обгоняли всех попутных велосипедистов. И сын этим гордился, поскольку работал «мотором»: гудел, брынчал губами, взывал на подъемах, как некий натруженный двигатель внутреннего сгорания. Солнце падало в луга, пахло душисто цветочным на вечерней росе настоем и первой скошенной увядающей травой. Теплый ветер порывами приходил с юга, путался в волосах и останавливал велосипед. Но мы уже неслись с горы, и тогда «мотор» довольно урчал, словно котенок из львиного прайда.

– Пап, смотри, дельтоплан! – забывает вдруг свою бензомоторную роль Ванька и показывает рукой куда-то в луга. – И вертолет, смотри, вертолет маленький летит! – совсем уже в восторге задыхается сын.

Действительно, неподалеку зависает в восходящем потоке косое крыло с пилотом, но аппарат почему-то вдруг резко уходит в сторону, беспомощно чиркает по земле и садится на траву, словно бабочка с потертым и вялым крылом. А над дельтопланом кружит миниатюрный одноместный вертолет-автожир. В век реактивных лайнеров эти хрупкие мотыльки необычны и красивы. В них – моя детская ностальгическая мечта о небе, первый сколоченный гвоздями каркас, обтянутый матрасным полосатым сукном, купленным на медяки из копилки, отчаянный спуск на лыжах с крутой горы навстречу ветру, подъем на высоту человеческого роста, треск ломающихся брусков, а в результате – невыразимое чувство короткого полета и подвернутая нога...

Пруд мы нашли, но даже не размотали снасти. От дачных домов-коробок, словно жадные загребистые руки, тянулись к травянистой заводи скоросколоженные заборы. Этот захват земли до самого пруда не давал подойти к воде. Лишь на противоположной лесистой стороне проглядывался открытый участок, но место было болотистое, до тоскливости унылое, с чахлыми березками и падающим ельником.

– Ну, чего, Ванюха, домой? – показно бодрясь, спрашиваю сына, но вижу, как его глаза медленно наливаются слезами и краснеют. Он становится похожим на кролика.

– А в Комино? – сквозь слезы блеет Иван.

– Так до Комино отсюда километров пятнадцать. А педали ведь мне крутить.

Я, конечно, дразню сына. Нам с товарищами уже не раз приходилось забираться на велосипедах в дальние дали, случалось, всего на пару дней и за пятьдесят с гаком километров. И в этих путешествиях была своя прелесть: пение шин на асфальте, запахи живицы, багульника и теплой сосновой коры, тишина утра и эхо кукушки в борах, туман на росистом шоссе, напряжение мускулов. И мне хорошо оттого, что сыну важно не пропустить закат на реке, раз не удалось половить на пруду, захваченному собственниками.

Река млела в теплых луговых берегах, где стрекотали кузнечики и басили шмели. Плавился малек в вечерней устало-сонной воде, пуская круги, словно от мелкой мороси. Случалось, рыбки выплескивались поверху, когда в камышах кто-то начинал возиться и сочно чавкать. На этот шум из-под берега отзывалась старая лягува, и ее квакливое ворчание подхватывали многочисленные товарки, раздувающие щеки в теплой тине. Тогда над водой долго висел гортанный гомон и угасал в свисающих ивах.

Мы слышали от местных рыбаков, что в здешних ямах водится крупный карп, и то ли он не брал никакую насадку, то ли ловить его не умели, но тяжелые рыбины лишь дырявили сети местных жителей, попадаясь все же изредка в крепкие капроновые «путанки». Говорят, водится и крупный язь, но мне здесь рыбины тяжелее восьмисот граммов не попадались. Но и на такой улов мы с сыном не могли надеяться в этот раз, поскольку наши легкие карасевые снасти не годились для доночной ловли или для ловли в проводку. Да и не это было главное. Второй лишь раз в жизни сын брал в руки удочку. А в первый приход к реке его поплавок впустую топили нахальноглазые юркие чики-верховки и воровали насадку. Ванька в досаде хлестал по воде бамбуковой удочкой-коротышкой и наливал слезами глаза.

Забрасываем снасти рядышком, у береговых кувшинок. Но сказать «забрасываем» было бы, наверное, слишком сильно, поскольку Ванькин крючок с крутой манкой то цеплялся за кубышку, то попадал под куст. Еще и еще раз демонстрирую сыну, как забрасывать, и с удивлением чувствую досаду оттого, что некогда самому ловить... Уж не азарт ли меня взял из-за поклевки мелочи? И это после щук полупудовых (была и пудовая с гаком), окуней тяжелее двух килограммов, леща на три с лишком?! Да и мало ли было поймано крупной красивой рыбы? Опомнившись, помогаю сыну.

– Вот так отводи руку. И не леску вперед отбрасывай, а удилицем подавай. Оно спружинит и само забросит. Как вичкой комок глины.

– А как это?

Нет, они, наверное, уже не знают, что такое со свистом залепить хлестким ивовым прутиком катыш свежей глины куда-нибудь в поднебесье, в худшем случае – в окно...

Ну, вот и поплавок сына все чаще приводняется на полную длину лески. А вот уже и первая поклевка.

– Ура-а! – выбрасывает Ванька далеко в траву чик. Может быть, одну из тех самых, что обманывали его в первый раз. Пошло дело... Причем – немногим хуже, чем у меня. Но поскольку опарыша брать в руки он отказывался, то ловил большей частью верховку, редко – уклею. У меня тоже шла не волжская сорога, но из спичечного коробка бы высунулась...

– Может, Ваньк, на окуня поохотимся?

– Давай! – загорается сын, но тут же поправляется. – Только отцеплять окуня сам будешь.

– Договорились, но первого поймаю я.

Поспорили с сыном. Насадил червей, приготовленных для хваленых карасей, и забросил снасти. Но как бы я ни хитрил, лова и со дна, и в полводы, и, забрасывая, прикусив язык, точно в дальнее окошко среди кувшинок, первый окунь оказался Ванькин, а я тягал сорожек, почему-то забывших, что летом вкуснее мучное или опарыш. Не поймешь их...

– Бог в помощь, – слышалось откуда-то сверху. Там стояли два паренька. – Как рыбалка?

– Да, балуемся, – неопределенно мычу я с ужасом, что парни увидят мой улов взрослого человека.

– А можно тоже попробовать?

– Так мелочь же.

– Все равно интересно.

– Ну, валяйте вон его удочкой, а он поужинает пока.

Они по очереди с увлечением тягают мелкую рыбешку и отрываются с трудом лишь, когда сын не на шутку взбунтовался, дожевывая копченую колбасу.

– Да я и есть-то не хотел. Буду рыбачить!

– На, держи, рыбак, – нехотя возвращают снасть парни. – А мы пойдем сено грузить. Исккупаться приходили, – почему-то объясняют они и уходят, так и не искупавшись...

Обратно мы неслись уже в ночь. В лица колко тыкалась мошка, ледяной туман лежал в росных низинах, где бродили, спотыкаясь о кочки, зачарованные коростели-дергуны. Заря давно опала за дальний лес, и теперь лишь отливала в высоком небе прозрачной зеленью, над которой в черном тяжелом бархате проглядывались звезды. Ночь, летняя ночь, пахнувшая мокрыми лугами, свежим сеном и ромашкой, неслась нам навстречу. И не было ничего лучше этого быстрого ее скольжения в знобкой и неподвижной тишине. Сын, замерев, молча, глядел вперед. Его легкие волосы, пахнувшие тем же сеном, щекотали мне подбородок, отдуваясь встречным потоком.

А дома Иван неожиданно заявил, что поймал больше меня... И это было бы правдой, если приплюсовать ту рыбу, которую ему наловили парни-косари. Но я не стал его переубеждать...

Когда заря с зарёю сходится

Просто было утро

Коротки летом ночи. Едва отгорел вечерний закат багрово-алой звенью, притихли на время птицы, остановилась черная вода, придавленная мягкими сумерками, а уже открылся восток неярким светом, словно умытый лик приходящего всегда Начала. И с этим теплым светом проявились цвета и звуки. Веснушчатая от желтых кубышек река подернулась седым туманом, лениво ползущим с росных лугов. Прошло какое-то время... Пепельно-серый и вялый, он, туман, вдруг стал прозрачным и озолотился насквозь первыми солнечными лучами. Вздохнул ветер, и туман заскользил над парной водой легко и вольно. В глубокой бокалде-круговерти шлепнул торопливый хвост, а потом ударил уже гулко и тяжело, пуская круги на зеркальной воде. Золотой крутобокий лещ-лещедка поднялся к поверхности в игривой истоме? А может, нежногрудая Русалка-берегиня всплеснула в сонном испуге, сторонясь пучеглазого Водяного – голого старика?.. «Ир-ра, ир-ра!», – гулко и утробно отозвалась под берегом всполошенная лягва. И, словно по команде, взорвался окрест лягушачий азартный хор, отчаянно, словно в последний раз... Эти резкие звуки на время нарушают звенящее безмолвие. Но опять тихо, лишь шепчутся камыши, и тоскует вдалеке кукушка, может быть, лицемерно сожалея о подкинутом малыше кукушонке?.. Ку-ку...ку-ку... Печально и вековечно вплетается этот стон в белотелые березняки, звонно отдается в зеленоглазых чистых борах и черных ельниках, а потом гаснет в мелколесье-чапыжнике. Летнее утро...

В эти тихие и звенящие мягкие дни и ночи, в соприкасающиеся вечерние и утренние зори хорошо быть одному у реки. И всегда здесь случаются обыкновенные простые истории, тем не менее памятные и близкие сердцу впоследствии. Особенно – в серые дни падающих снегов, и в лютую алость стеклянных морозов. И незатейливые кадры видеосъемки этих простых историй, даже без рекордных рыб и яростных с ними схваток, так по душе в долгие зимние вечера. Как бывают потом по душе обычные звуки за кадром: скрип снега, всплеск рыбы в лунке, дыхание ветра... И ледовое белоснежье на исходе жаркого лета...

Сонные лещи

К этому омутку, чисто глядевшему между двух ивовых кустов, я приходил почти каждое утро. Раздвигал жесткие «телескопы», служившие мне донками, насаживал мочку навозных червей и опарышей на крючок одной донки, грушку тугой манки – на крючок другой. Набивал висящие на леске самодельные мини-кормушки пахучей прикормкой и ждал поклевку, поглядывая на гибкие вершинки удилиц, где подрагивали на течении колокольчики. Вскоре один из колокольчиков непременно встряхивался, коротко звякнув. Вершинка донки прогибалась по течению, осаживалась, и начинала биться резкими толчками. Подсечка!.. И на леске сверкал солнечным серебром тугой и резкий подлещик. Он был теплым, как и вода, пах свежестью речных струй, взрезанным огурцом с полынной горечью, и одновременно теплой травой-шелковником. А потом начинал биться колокольчик другой донки. Но на крючке уже сидела красноглазая сорожка-плотвичка, изумленно открывая мягкие губы. Иногда я менял насадку. Я насаживал на крючок кубик ржаного или белого пшеничного хлеба, вначале протыкая корку, а потом выводя жало крючка сквозь мякиш обратно в корку. После минут ожидания удилице могло резко прогнуться по всей уже длине. И тогда – держись снасть!.. Это брал язь. Он неохотно выходил на поверхность, замирал, а потом взрывался отчаянными прыжками-ударами в каскаде серебряных брызг! Эта его, язя, борьба за жизнь нередко продолжалась и в

неволе. Случалось, свободолюбивые рыбины выпрыгивали из плохо завязанного садка, который, впрочем, был «так себе», не чета ухватистым садкам-«вершам» спортсменов, хотя прочая рыба в нем сидела надежно.

Но с каждым летним днем все реже и слабее были поклевки. И все чаще колокольчики донок лишь мелко тряслись от воровских пощипываний и покусываний придонной мелочи, которая лишь обсасывала и сбивала насадку. К своему омутку я уже приходил, скорее, по инерции впечатлений конца весны и в уже упрямо-настойчивом: а вдруг?.. А если повторится то, хоть чем-то похожее на весенний ход и рыбье разудалье в цветение шиповника, разумом понимая обратное...

Однажды я пришел к воде почти ночью, может быть, на зыбкой границе ночи и начала молодой зари. И, подходя к месту, вдруг замер от странных звуков, идущих от реки. Словно звонкое причмокивание и чавканье слышалось из зарослей прибрежных кувшинок. Мне показалось, что я вижу, как шевелятся листья на воде, хотя, может быть, это просто был обман зрения, и лишь теплый воздух струился над рекой. Я долго тихо сидел у воды, не разматывая удочек, и убедился, что речные «поросята» – создания не эфемерные, а вполне реальные. В траве время от времени слышались мягкие шлепки, и кубышки словно раздвигались чьими-то крепкими телами.

Едва стало светло, я разделся и зашел в теплую воду, а потом поплыл к месту, где явно жировала какая-то рыба. Перевернув несколько лопухов кувшинок-кубышек, я обнаружил на нижней их стороне множество всякой живности. Набрав этой всякой всячины в полиэтиленовый пакет, я вернулся на берег, уже освещенный солнцем. Донки в этот раз так и остались не размотанными.

Следующей ночью-утром я уже сидел на берегу залива, где накануне собирал пиявок и букашек с травы. А за поворотом виднелись кусты, у которых ждал меня заветный омут, омываемый стремительными струями быстрой реки. Но мне он уже был неинтересен, словно мимо-летний и случайный приятель. Разве что – до следующей весны?.. Слишком тоскливо-пустынными стали его воды. Здесь же, далеко в стороне от быстрого течения, царило аксаковское тиховодье, еще пока не известное мне и поэтому притягивающее.

В этот раз и снасти у меня были тиховодные. Вскоре на воде закачались два поплавок-гусиное перо, которым я по старинке отдаю предпочтение. Длины моих шестиметровых удилиц как раз хватило, чтобы достать до кромки кувшинок, за которыми дно круто уходило вглубь. Бровка!.. Просто классика... А насадкой у меня в этот раз служили те самые пиявки и букашки, посаженные ввиду ничтожных размеров к навозному червячку. Впрочем, я чередовал потом ингредиенты этого странного «продуктового» набора, добавляя к найденным одному или двух опарышей, потом – опять червячка-навозника. На крючке второй удочки была манка, сваренная на молоке, размятая с растительным маслом и едва задетая пробкой от пузырька с анисовым маслом.

Прикормив место, я замер у снастей, одновременно любуясь разгоравшейся зарей, теплый свет которой уже лег на тихую воду. Чавканья подводных поросят я в это утро не слышал. По всей видимости, рыба ощущала мое присутствие, как я ни старался быть осторожным. Но в оконцах среди кубышек поднимались дорожки пузырей. Пузырилась вода и за моими поплавками. Вот один из них качнулся, словно его задела нахальная чика-верховка. На какой-то миг поплавок-гусиное перо приподнялся, подпрыгнул в расходящихся кругах на воде, а потом упал набок. Моя рука машинально легла на комель «телескопа»... Рано...рано... А сердце, падая куда-то вниз и замирая, приказывало – пора!.. Рано – твердил холодный разум... Вот поплавок медленно приподнялся и, опять качнувшись, поплыл под лопушник, медленно погружаясь. А вот теперь – пора!.. Подсечка!.. Замерли птицы, погасла заря, и мир окружающий стал одной лишь властной силой, там, в глубине таинственной вселенной, где тяжело и упруго остановилась у дна рыбина. Несогласная, она толчками гнула удилице, но вдруг ослабла и всплыла

среди кувшинок, налитых золотым светом... Теперь уже изумленный и сам золотой, как и солнечные кубышки, лещ лежал на теплой воде, сонно поводя хвостом. Поддернутый удилищем, он покорно заскользил к берегу, но, вдруг спохватившись, взорвался в бурунах и пене и осадился вниз, в зеленую глубину. Едва его остановив, я медленно начал подводить рыбину к берегу. Лещ сдался. Видно было, как, открыв судорожно рот-трубочку, он заскучал и лег на бок, ослепительно блеснув на солнце. Подхваченный подсачеком, он провернулся в нем, наматывая сетку на себя, а потом ударил уже в садке, оглушительно и, казалось бы, вольно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.